

«Круглый стол» «Концепт *воли* в славянских культурах»

Данный блок статей содержит материалы заседания «круглого стола» «Концепт воли в славянских культурах», состоявшегося в декабре 2017 г. и организованного Отделом культуры славянских народов Института славяноведения РАН.

Категория воли относится к фундаментальным категориям славянской культуры. Она отражает многотрудные и разнообразные по формам пути строительства государственности в странах Центральной и Восточной Европы на протяжении XVIII–XX вв., противоречия на пути создания национальной и конфессиональной самоидентификации. Контрадикторные устремления к свободе от разнообразных форм рабства с одной стороны, и осознанная, а также запрятанная в глубины коллективного бессознательного жажда «сильной руки», власти – с другой, определили важные свойства национального менталитета славянских народов, таких несхожих между собой, но при этом имеющих общую парадоксальную установку. Эти особенности «характера» региона (или вернее сказать регионов!) нашли отображение в литературе, искусстве, общественной мысли и воплотились в мотивы революции и бунта (бесмысленно и беспощадного в восприятии одних – и несущего освобождение в сознании других), темы борьбы со сложившимися стереотипами и традициями, но также и в доводы оправдания нормы, призывания к покорности и смирению перед лицом фатальных обстоятельств общей и личной судьбы художественных персонажей, а также реальных исторических личностей. Славянские культуры в этой антиномической дихотомии не оригинальны, они подчинены общим ритмам универсальной культуры, ведут начало с истоков человеческой цивилизации. Однако именно славяне, как представляется, прошли особенно трудный путь по пути осознания категории воли в ее противоречивых проявлениях. Культура рассматривалась участниками «круглого стола» преимущественно как текст, т.е. подвижная система значений, реализуемых на разных уровнях. Темы, затрагиваемые в рамках общей проблематики, касались не только феноменов реальной истории (включая историю искусства и литературы), но и устройства языка культуры, т.е. семантики и прагматики высказывания, риторики власти, поэтики авангарда, а также соответствующих экзистенциальных мотивов.

ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ДОБРОВОЛЬНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ С РОССИЙСКОЙ ВЛАСТЬЮ В «ЭПОХУ НЕВОЛИ»

© 2020 г. Н.М. Филатова

Канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

natalifilatova@yandex.ru

Данный историографический обзор посвящен тому, как польские историки осмыслили и осмысливают примеры компромисса и добровольного сотрудничества с Россией, которые были характерны для польских элит накануне и сразу после образования в 1815 г. конституционного Царства Польского. Тема раскрывается с помощью ключевых понятий и сквозных линий польской культуры.

The following historiographic review points up the ways in which Polish historians interpreted and still interpret the facts of compromise and voluntary cooperation with Russia, characteristic for the Polish elites before and straight after the formation of the Congress Kingdom of Poland in 1815. This topic is discussed with the help of key concepts and constants of Polish culture.

Ключевые слова: польская историография, «эпоха неволи», национальное предательство, соглашательство, польское славянофильство, политический консерватизм.

Keywords: Polish historiography, the epoch of national oppression, national apostasy, political compromise, Polish Slavophilism, political conservatism.

DOI: 10.31857/S0869544X0008112-6

Категория воли важна применительно к истории польского народа, оказавшегося в ситуации выбора — добровольно принять факт потери независимости, разделов, вхождения части Польши в состав России, подойти к этой ситуации прагматически или же не принимать ее, сопротивляться нахождению под инонациональной властью. (Употребляемое в таких случаях выражение *obca przemoc* переводится как насилие, превосходство. Таким образом, нахождение под чужой властью автоматически равнозначно насилию и принуждению: так особенности польского национального сознания, актуальные по сей день, выражены лингвистически.)

Развить этот общий тезис применительно к истории Польши можно двояко. Во-первых, изучая историю сопротивления чужой власти (эта тема, начиная с эпохи романтизма, традиционно превалировала и превалирует в польской историографии), а также отпечаток, который оно наложило на польскую культуру, на построение образа XIX в., именуемого в Польше «эпохой неволи». Во-вторых, фокусируясь на представляющих больший интерес для современного исследователя польско-русских отношений попытках добровольного (это слово ключевое в данном контексте) приспособления к необходимости сотрудничества с чужой властью. Проблема состоит в том, насколько в рамках национальной культуры подобный сознательный выбор, подобное волеизъявление оказалось возможным в глазах современников и потомков.

Сквозной линией польской культуры является трудность принятия подобного выбора предков, осмысление линии сотрудничества с Россией в терминах измены и феномен пристального внимания к этой теме, усилившегося

в настоящее время. Такая позиция исторически именовалась *ugoda* (соглашательство), *zdrada* (измена, предательство), речь шла также о «сервиллизме», а в настоящее время — применительно к сотрудничеству с Россией — употребляется даже выражение *apostazja narodowa* («национальное отступничество»), заимствованное из религиозного контекста: *apostazja* означает вероотступничество. Знаменательно количество и названия работ в польской историографии и литературоведении, в которых так или иначе присутствует и разбирается с разных сторон проблема предательства — соглашательства — в разные эпохи, на различном историческом и литературном материале (см., например, [1–4]).

В частности, интересным представляется вопрос, как выбор в пользу опоры на Россию в государственном строительстве и идея польско-российского союза, связанная с созданием в 1815 г. конституционного Царства Польского, воспринимались последующими поколениями исследователей, в том числе исследователями современными. Здесь в польской историографии можно выделить несколько подходов.

Во-первых, обращение к теме русско-польского взаимодействия в научном и художественном дискурсе первой трети XIX в. получило в историографии обобщенное наименование «славянофильства», восходящее еще к терминологии и официальной культуре самой эпохи (в официальных текстах Царства Польского русских называли «побратимами» и «единоплеменниками»). Оно было распространено и в работах начала XX в. (в том числе в книге В.А. Францева [5]), а также в польских исследованиях 1920–1960-х годов [6; 7]) и традиционно рассматривалось учеными в историко-культурном ключе: на первый план выдвигалась идея славянской взаимности, представление о неповторимом облике собственной национальной культуры связывалось с романтическим интересом к общим для русских и поляков славянским древностям.

Очевидно, однако, что идея общих корней, а следовательно общей судьбы русских и поляков, достаточно болезненно воспринималась польским обществом. В конечном итоге именно связь славянофильства первых лет существования Царства Польского с поддержкой официальной политики русско-польского сближения отразилась на специфическом отношении поляков к идее славянского единства в целом [8].

Для историков политической мысли характерен подход к сторонникам про-российской ориентации как к политическим консерваторам. Позиции консерватизма усматриваются в том, что все влиятельные общественно-политические деятели Царства Польского, верхушка его власти, были сформированы культурой Просвещения, стояли на монархических позициях, воспринимали образование польского государства как торжество принципов легитимизма, опираясь на концепцию народа как политической общности. Кроме того, элиты руководствовались чисто прагматическими мотивами [9; 10].

Важнейшую роль в борьбе с упрощением мотивов, которыми руководствовались отдельные люди и общественные группы, столкнувшись с необходимостью политического и нравственного выбора на рубеже XVIII–XIX вв., сыграла работа Я. Чубатого [4]. Историк предпринял поистине грандиозный труд, проанализировав самые разные по жанру источники: частную корреспонденцию и официальную переписку, публицистику и художественную литературу (рассматривая ее как часть историко-политического дискурса). Это помогло ему выявить разнообразные образцы проявления патриотизма, включавшие в себя иногда полярные позиции. Традиционные подходы к эпохе были расширены

исследователем за счет анализа индивидуальных аргументов, приводимых отдельными личностями в оправдание своего сотрудничества с теми, кто разделил Польшу, а также, напротив, решений вести борьбу или отойти от общественной жизни. Автор показывает, где в восприятии общества проходила граница между достойным и недостойным поведением, учитывает приоритетные для эпохи в целом нормы верности присяге и воинской чести, а также зависимость политического выбора от сферы частной жизни. Кроме того, Чубатый строго очерчивает время возникновения и конкретное историческое содержание понятия *zdrada*, связывая его с последними годами Речи Посполитой.

Другая тенденция, характерная уже для польских работ последних лет, проявляется в стремлении поставить представителей политической элиты польского государства, формально связанного с Россией лишь династической унией, с теми, кто впоследствии, после его краха, в одиночку — как А. Гуровский или Х. Жевуский — отстаивали идеи благотворности российского владычества в Польше и заслужили у соотечественников политическое клеймо «национального отступника» и «ренегата». Многих современных польских историков, занимающихся проблематикой польско-российских отношений, объединяет мысль о губительности и невозможности в принципе российско-польского взаимодействия. Так, М. Закшевский в сборнике статей, посвященном разной типологии мышления о России и вписывания ее в политические концепции устройства Польши, пишет, что всех сторонников пророссийской ориентации «объединяют не только более или менее оправданные обвинения в измене или “национальном отступничестве”, но и политическое поражение. Все они потерпели фиаско в результате того, что не нашли понимания ни в польском обществе, ни у российских властей». В каждой попытке сотрудничества с Россией, по его словам, можно увидеть «предложение без ответа, политику, в которую вплетались мечты, иллюзии, надежды, отчаяние и чистый расчет» [11. S. 9]. Л. Мажевский называет возникновение и существование конституционного Царства Польского «клиническим случаем пророссийского поворота в поведении польских элит» [11. S. 69].

В то же время польские историки либерального направления уверены в безосновательности экстраполяции на эпоху 1815–1830-х годов подобных выводов. Лишь после Ноябрьского восстания, по словам М. Яновского, «сформировалась пропасть между поляками и теми, кто разделил Польшу. До 1830 г. понятие “независимость” вообще не было ясно определено: повсеместно считалось, что свободная Польша легко может сочетаться с нахождением под скипетром иностранной династии. Теперь ситуация проясняется: понятия измены, независимости, борьбы за свободу приобретают более или менее тот же самый смысл, который они сохраняют до конца XX в. Для поляка-патриота сокращается область возможного взаимодействия с господствующим государством» [12. S. 235]. Подчеркну в связи с этим, что именно умение не выходить за рамки текста эпохи, адекватное прочтение ее документов позволяют освободиться от каких бы то ни было идеологических клише, не отказывая историческим персонажам в праве на свободное волеизъявление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Chwin S.* Literatura i zdrada: od Konrada Wallenroda do Małej Apokalipsy. Kraków, 1993.
2. *Bo insza jest rzecz zdradzić, insza dać się złudzić. Problem zdrady w Polsce przełomu XVIII i XIX w.* / Pod red. A. Grześkowiak-Krwawicz. Warszawa, 1995.

3. *Murzański S.* Między kompromisem a zdradą: intelektualiści wobec przemocy 1945–1956. Kraków, 2002.
4. *Czubaty J.* Zasada «dwóch sumień». Normy postępowania i granice kompromisu politycznego Polaków w sytuacjach wyboru (1795–1815). Warszawa, 2005.
5. *Францев В.А.* Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX столетий. Прага, 1906.
6. *Klarnierówna Z.* Słowianofilstwo w literaturze polskiej lat 1800 do 1848. Warszawa, 1926.
7. *Zieliński A.* Naród i narodowość w polskiej literaturze i publicystyce lat 1815–1831. Wrocław etc., 1969.
8. *Ruszczyńska M.* Słowianie i słowianofile. O słowianofilskich dyskursach w literaturze polskiego romantyzmu. Kraków, 2015.
9. *Kizwalter T.* Kryzys Oświecenia a początki konserwatyzmu polskiego. Warszawa, 1987.
10. *Mycielski M.* «Miasto ma mieszkańców, wieś obywateli». Kajetana Koźmiana koncepcje wspólnoty politycznej (do 1830 roku). Wrocław, 2004.
11. Między realizmem a apostazją narodową. Koncepcje prorosyjskie w polskiej myśli politycznej / Pod red. M. Zakrzewskiego. Kraków, 2015.
12. *Janowski M.* Narodziny inteligencji. 1750–1831 // Dzieje inteligencji polskiej do roku 1918. / Red. J. Jedlicki. Warszawa, 2008. T. 1.